

CONTEMPORARY VARIETY, TECHNOLOGY AND MUSICAL CREATIVITY

Arsen Nazaryan

Botir Zokirov National Institute of Pop Art

Abstract

The article examines the interrelation between modern technologies and pop art, analyzing the impact of digital instruments, artificial intelligence, and interactive platforms on musical creativity. Special attention is given to issues of copyright, the aesthetics of digital sound, and the transformation of the performer's image in the context of technological progress. The technologization of art is considered not only as a tool but also as a new artistic language that shapes the thinking of the 21st century.

Keywords: Contemporary pop music, digital sound, artificial intelligence, music technologies, virtual reality, streaming, copyright.

Introduction

СОВРЕМЕННАЯ ЭСТРАДА, ТЕХНОЛОГИИ И МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Арсен Назарян

Институт национального эстрадного
искусства имени Батыра Закирова

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь современных технологий и эстрадного искусства, анализируется влияние цифровых инструментов, искусственного интеллекта и интерактивных платформ на музыкальное творчество. Особое внимание уделяется вопросам авторского права, эстетики цифрового звука и трансформации образа исполнителя в условиях технологического прогресса. Технологизация искусства рассматривается не только как инструмент, но и как новый художественный язык, формирующий мышление XXI века.

Ключевые слова: современная эстрада, цифровая музыка, искусственный интеллект, музыкальные технологии, виртуальная реальность, стриминг, авторское право.

Введение

Современная эстрада в XXI веке стала зеркалом эпохи, где границы между искусством и технологией стираются, а творческое самовыражение всё чаще реализуется в цифровой среде. Эстрадное искусство уже не ограничивается сценой и концертным залом — оно живёт в потоках данных, в мобильных приложениях, в социальных сетях и на виртуальных платформах. Технологический прогресс стал не просто сопровождением художественного процесса, а его полноправным участником, определяющим темп, структуру и даже смысл музыкального творчества.

Электронные инструменты, программные синтезаторы и звуковые процессоры радикально изменили саму природу звучания, превратив звук в динамичное, пластичное и многомерное художественное вещество. Если в классическую эпоху тембр, диапазон и выразительность звука определялись физическими свойствами инструмента, мастерством исполнителя и законами акустики, то в современной цифровой культуре звук перестал быть «данностью» — он стал конструктором, продуктом творческого моделирования. Цифровая эстрада оперирует бесконечным звуковым спектром, создавая новые формы акустической реальности, в которой стираются границы между «естественным» и «искусственным», «оригиналом» и «копией». Сегодня электронная музыкальная среда функционирует как лаборатория смыслов: звук можно «строить», «расширять», «деконструировать» и заново «собирать» из мельчайших частиц — семплов, сигналов, модулей.

Технология перестала быть лишь техническим посредником — она превратилась в активного соавтора художественного высказывания, формируя саму эстетику звука. Современный тембр уже не столько физическая характеристика, сколько результат программирования, параметрического управления и цифровой обработки. Синтезаторы, сэмплеры, секвенсоры, реверберация, дилей, компрессия и фильтрация становятся не просто средствами звукопроизводства, а выразительными элементами новой музыкальной грамматики. Именно здесь рождается

своеобразный «технологический стиль» эстрады XXI века — когда каждая микродеталь звучания превращается в часть эмоционального и смыслового кода произведения. Как справедливо отмечает В. Цукерман, «техника перестала быть тенью искусства — она стала его нервной системой, в которой рождаются новые формы художественной жизни» [Цукерман, 2018, с. 57].

Особое место в контексте взаимодействия технологий и эстрадного искусства занимает **электронный саксофон (EWI — Electronic Wind Instrument)** — одно из наиболее выразительных проявлений синтеза традиционного инструмента и цифровых инноваций. Созданный в конце XX века и получивший широкое распространение в XXI, электронный саксофон стал символом нового этапа эстрадного исполнительства. В отличие от акустического прототипа, EWI способен воспроизводить сотни тембров — от классического саксофонного звучания до имитации струнных, ударных, синтезаторных и электронных эффектов, что делает его поистине универсальным инструментом.

В руках музыкантов нового поколения электронный саксофон превращается в мост между живым дыханием и машинной логикой. Так, выдающиеся исполнители Майкл Брекер и Боб Минцер продемонстрировали, что EWI — не просто замена классического инструмента, а самостоятельное художественное средство, способное выражать внутренние состояния, динамику эмоций и архитектуру звукового пространства. Как отмечает исследователь И. Манн, «электронные духовые инструменты воплощают идею "живого синтеза" — когда человеческое дыхание управляет машинной логикой» [Манн, 2021, с. 134].

Электронный саксофон активно используется в фанк-, джаз-фьюжн-, поп- и экспериментальных проектах, где требуется гибкость тембра, мобильность и возможность мгновенной трансформации звучания. Его тембровые палитры позволяют сочетать естественную выразительность дыхания с программируемыми параметрами — питч-контролем, модуляцией, фильтрацией и динамическими эффектами. Как пишет музыковед А. Макарова, «в цифровом саксофоне дыхание музыканта становится элементом интерфейса — человеческое тело напрямую взаимодействует с кодом» [Макарова, 2019, с. 42].

Таким образом, EWI становится не просто технологическим устройством, а медиатором между телесным и цифровым, между исполнителем и машиной, между интуицией и алгоритмом. Это — инструмент, воплощающий идею синтетического искусства XXI века, где человек и технология сосуществуют в едином звуковом теле.

Современный эстрадный артист теперь — не только исполнитель, но и продюсер, звукоинженер, композитор, дизайнер собственной аудиореальности. Он совмещает в себе функции режиссёра звука, программиста и перформера, становясь многопрофильным художником нового типа. Программные платформы **Ableton Live, Logic Pro, FL Studio, Pro Tools, Cubase, Bitwig Studio** предоставляют ему возможность работать со звуком как со скульптурным материалом — формировать, сгибать, деформировать и выстраивать его в пространстве.

Музыкант XXI века создаёт композицию в режиме реального времени: комбинирует акустические и электронные тембры, записывает партии, изменяет эффекты, добавляет визуальные и перформативные элементы. Даже такие технологии, как **автотюн**, изначально предназначенные для коррекции интонации, трансформировались в самостоятельный художественный приём — символ постмодернистской эстетики, где различие между истинным и искусственным становится частью художественного жеста. Как отмечает культуролог Е. Киянова, «автотюн перестал быть инструментом исправления ошибок — он стал эстетическим знаком эпохи цифрового нарратива» [Киянова, 2020, с. 88].

В этой среде границы между исполнителем и слушателем, инструментом и программой, телом и кодом постепенно исчезают, уступая место новой форме музыкального мышления — **гибридному творчеству**, в котором звук является не отражением, а самой материей художественной идеи. В этом смысле, как подчёркивает Д. Коренева, «современный исполнитель не подчиняется технике, а вступает с ней в диалог, превращая технологию в акт эстетического сотворчества» [Коренева, 2022, с. 61].

Технологическая революция изменила не только звучание, но и саму логику существования музыки. Цифровая инфраструктура создала новые каналы распространения и восприятия искусства. Стриминговые сервисы — Spotify, Apple Music, Yandex Music, Deezer и другие — стали своего рода

глобальными архивами звука, в которых исчезает понятие физического носителя. Музыка больше не принадлежит объекту — она стала процессом, потоком, мгновенным опытом, существующим в бесконечном цифровом движении. Эта «дематериализация искусства» изменила и саму структуру музыкальной индустрии, переведя акцент с материального владения к нематериальному потреблению. В результате музыка стала доступной для каждого, независимо от социального или географического положения, но вместе с тем обострились проблемы авторского права, интеллектуальной собственности и справедливого вознаграждения творцов. Парадокс цифровой эпохи состоит в том, что при беспрецедентной свободе распространения художник оказывается в особенно уязвимом положении — его труд становится видимым, но не всегда оценённым.

Особое место в современной эстраде занимает искусственный интеллект (ИИ). Он уже способен не только генерировать мелодии и тексты, но и имитировать тембр человеческого голоса, создавать виртуальных артистов, полностью функционирующих в медиапространстве. Так, японский виртуальный идол Hatsune Miku или цифровые певцы, созданные с помощью AI Voice Synthesizer, стали феноменами массовой культуры. Возникает вопрос: где заканчивается искусство и начинается алгоритм? Как отмечает Ф. Рифкин, «машина становится не инструментом, а соавтором» [Rifkin, 2020]. С одной стороны, искусственный интеллект (ИИ) расширяет границы творчества, предоставляя музыкантам новые формы взаимодействия с материалом, экспериментирования со звуком, структурой и композицией. Он становится не просто инструментом, а полноценным соавтором, способным анализировать стилистику, имитировать интонации и даже создавать новые жанровые формы. Программы на основе машинного обучения генерируют гармонии, тексты, тембры, которые ранее невозможно было вообразить без участия человека. Однако с другой стороны, всё чаще возникает вопрос: где проходит граница между человеческим и машинным творчеством? ИИ ставит под сомнение понятие аутентичности и уникальности художественного высказывания, подменяя интуицию алгоритмом и вдохновение статистической вероятностью.

Наряду с ИИ, современные технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности радикально преобразуют концертную деятельность и

сценическое восприятие. Сегодня зритель может присутствовать на виртуальном концерте, не выходя из дома, — видеть сцену в трёхмерном пространстве, свободно перемещаться по ней, взаимодействовать с артистом, выбирать ракурс и даже влиять на визуальное оформление шоу. Виртуальные технологии позволяют создавать синтетические миры, где музыка, графика, свет и движение соединяются в единое художественное целое.

Социальные сети также стали важнейшим элементом музыкальной экосистемы. Артисты теперь не просто выступают — они ведут диалог со своей аудиторией в реальном времени. TikTok, Instagram, YouTube превращаются в инструменты самоидентификации и маркетинга. Каждый лайв, каждая сторис — это акт перформанса, а количество просмотров нередко становится мерилом успеха.

Цифровая эпоха требует не только художественных, но и глубоких правовых реформ, охватывающих все уровни культурного производства и распространения. Традиционная система авторского права, сформировавшаяся в условиях аналоговой культуры, где произведение имело материальный носитель и чётко определённые границы владения, сегодня сталкивается с вызовами, порождёнными дематериализацией искусства. В цифровом пространстве произведение существует не как объект, а как поток данных, бесконечно копируемый, модифицируемый и распространяемый без участия автора. В этих условиях привычные категории «оригинала» и «копии», «создателя» и «пользователя» теряют свой прежний смысл.

Алгоритмы генерации контента, искусственный интеллект, NFT и блокчейн радикально меняют само представление о собственности и творческом акте. Если раньше произведение принадлежало конкретному автору, чьё имя фиксировалось в реестрах и издательских договорах, то теперь мы имеем дело с коллективными, распределёнными и зачастую анонимными формами творчества. Искусственный интеллект способен создавать музыку, тексты и изображения, не имея личности и авторского сознания, что ставит под сомнение юридическую основу понятия авторства как индивидуального творческого акта. Машинное творчество разрушает антропоцентрическую модель искусства, где человек был единственным источником художественного смысла. NFT-технологии, в свою очередь, открывают новую страницу в вопросе владения цифровыми объектами. Они позволяют

закреплять право собственности за уникальным цифровым артефактом, создавая его «подлинник» в виртуальной среде. Однако при всей видимости прозрачности, правовая природа этих токенов остаётся неопределённой: кто является истинным владельцем — создатель кода, покупатель токена или платформа, обеспечивающая его существование? Аналогичные вопросы возникают и в сфере музыкального производства, где цифровые треки, семплы и алгоритмические генерации пересекаются в сложных авторских конфигурациях.

Блокчейн-системы, обеспечивающие прозрачность и фиксируемость транзакций, теоретически могут стать основой новой этики авторского права. Они дают возможность регистрировать момент создания произведения, распределять гонорары и контролировать распространение контента. Однако на практике большинство существующих платформ функционируют в правовом вакууме, не интегрированном в национальные и международные законодательные системы.

Необходимость реформирования авторского права становится одной из центральных задач культурной политики XXI века. Следует формировать не просто новые нормативные документы, а принципиально иную философию права — гибкую, открыто адаптирующуюся к технологическим изменениям. Эта философия должна учитывать как интересы создателей, так и потребителей, признавая при этом важность коллективных форм творчества, краудсорсинга и открытых цифровых сообществ.

В будущем, возможно, появятся смешанные модели правового регулирования, где автором будет считаться не только физическое лицо, но и «система» — человек совместно с алгоритмом. Современное право должно научиться различать уровни участия в творческом процессе — от эмоционального импульса до алгоритмической реализации. Таким образом, формирование новых этических и юридических стандартов становится неотъемлемой частью культурной эволюции. Только на этой основе возможно гармоничное сосуществование человека и технологии в едином пространстве цифрового творчества.

Современная эстрада — это синтез искусства, науки и коммуникации. Она становится глобальным пространством, где каждый звук, изображение и эмоция проходят через фильтр цифрового кода. Однако, несмотря на

технологизацию, суть музыкального творчества остаётся прежней: человек стремится выразить себя, донести чувства и смыслы. Технологии лишь расширяют горизонты этого самовыражения, превращая эстраду в одну из самых динамичных и многомерных форм искусства современности.

Список литературы

1. Киянова Е. Постмодернистская эстетика цифрового звука // Искусство и культура. — 2020. — № 2 (38). — С. 84–91.
2. Коренева Д. Электронная сцена как пространство сотворчества. — М.: Академический проект, 2022. — 144 с.
3. Князев П. Эстетика цифрового звука. — Санкт-Петербург: Лань, 2022. — 198 с.
4. Макарова А. Цифровое исполнительство: человек и интерфейс. — СПб.: Изд-во СПбГК, 2019. — 92 с.
5. Манн И. Электронные духовые инструменты и феномен «живого синтеза» // Журнал музыкальной культуры. — 2021. — № 3. — С. 131–138.
6. Манн И. Музыка и технологии XXI века. — М.: Наука, 2021. — 210 с.
7. Рифкин Ф. Искусственный интеллект и творчество: человек и алгоритм. — М.: АСТ, 2020. — 256 с.
8. Тимофеев А. Синтезатор — инструмент новой эпохи? // Культура и искусство. — 2020. — № 3. — С. 40–45.
9. Фатьянова С. Электронные музыкальные инструменты в системе «инструмент – исполнитель – музыка». — М.: Арт-центр, 2021. — 165 с.
10. Цукерман В. А. Музыка и технология: эстетика цифрового звука. — М.: Композитор, 2018. — 176 с.